

**Оксана
Даровская**

Читайте в серии:

Оксана Даровская

«Москва. Квартирная симфония»

Ирина Лейк

«История Аптекаря, райских птиц
и бронзовой головы слона»

Алекс Тарн

«Четыре овцы у ручья»

Екатерина Златорунская

«Осенняя охота»

Яков Шехтер

«Водолаз Его Величества»

Анна Бабина

«Презумпция вины»

Гоар Маркосян-Каспер

«Пенелопа»

Наталья Веселова

«Олений колодец»

Оксана Даровская

«Неоконченный танец»

**Оксана
Даровская**

**НЕ
ОКОН
ЧЕН
НЫЙ
ТАНЕЦ**

АЗБУКА

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Д20

Ранее книга издавалась под названием «Браво Берте»

Оформление обложки:

Студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Даровская О.

Д20 Неоконченный танец : роман / Оксана Даровская. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 384 с. — (Имена. Российская проза).

ISBN 978-5-389-26905-7

От автора книги «Москва. Квартирная симфония». Оксана Даровская вновь погружает читателя в атмосферу московских улиц и переулков: Старого Арбата, Поварской, Малого Кисловского... Но в «Неоконченном танце» мелодия любимого города обретает иной ритм, иное дыхание, становясь то ностальгическими воспоминаниями бывшей актрисы, то молодежным хип-хопом.

Берта Ульрих — когда-то прима драматического театра. Она своенравна, эксцентрична и необычайно талантлива. Поддавшись минутной эмоции, Берта отказывается от роли, предложенной ей молодым режиссером, уходит из театра и, кажется, теряет все и навсегда... Спустя годы судьба сводит ее с молодой влюбленной парой — Кириллом и Катей. Вот тогда она наперекор все той же судьбе вытягивает свой счастливый лотерейный билет.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-26905-7

© Даровская О., 2025
© Оформление. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2025
Издательство АЗБУКА®

Глава первая

ПРИСТАНИЩЕ

— Зайдите ко мне, Берта Генриховна, через пять минут, дайте переодеться. — Цербер на ходу метнул в нее из-под шляпы зловецкий взгляд.

«Чтоб тебя разорвало. Угораздило с утра попасться на глаза», — вжалась в стену вестибюля Берта. Ее руки прятали за спиной миниатюрный предмет. Электронные часы над главным входом равнодушно мигали двоеточием — 8:51.

— Сколько можно, Берта Генриховна?

Он сидел за рыжим ламинированным столом, постукивал ладонями по потускневшей столешнице с засохшими в царапинах чернилами. На вешалке у двери сырели его драповое пальто и узкополая шляпа из черного когда-то фетра, и Берта, стоя на пороге кабинета, ощущала кисловатый запах старой, вымокшей на улице шерсти. Он придвинул металлическую пепельницу, достал из кармана пиджака пачку сигарет, закурил. От местного персонала Берта знала, с конца прошлого века Цербер потребляет только «Золотую Яву».

Верность отечественному производителю он хранил даже в этом. Табличка на двери кабинета гласила: «Директор Церазов Борис Ермолаевич», и именно Берте три года назад пришло в голову намертво приросшее к нему прозвище.

— Вы не желаете понимать, — выпустил он через нос первые струйки дыма, — что Любовь Филипповна не в состоянии находиться в атмосфере вещей, которыми вы заполнили совместную, заметьте, совместную с ней комнату. — Лыдисто-серыми глазами он уставился, кажется, на Берту, но куда-то сквозь нее. — Почему по вашей милости должен страдать невинный человек?

Дым расплылся по кабинету, достиг ее ноздрей, — она поморщилась, не столько от дыма, сколько от вялой патетики директора. Ее мимику он проигнорировал:

— Молчите? Смотрю, побывали уже на улице. Вы, Берта Генриховна, будто не слышите слов, отвергаете правила человеческого общежития. Как прикажете с вами разговаривать?

Свеженайденная вещица находилась в кармане ее куртки. Это вселяло оптимизм и отчасти мирило с окружающим. Сейчас боковым зрением она наблюдала, как под столом директор освободил от ботинок ноги в мрачных хлопковых носках с ослабшими резинками и разминал пальцы, белеющие сквозь вытертости мысков. До нее доносилось потрескивание суставов. «Да-да, застарелый артроз», — мелькнуло у нее с секундной жалостью к директору. В поисках опоры для спины она прислонилась к дверному

косяку, по привычке вскинула голову, подумала: «Что, в сущности, этот штампованный приверженец „Явы“ и советского носочного раритета может понимать в моих пристрастиях?»

— Во-первых, — собралась она с духом в момент очередной его затяжки, — вы не предложили мне сесть, а перед вами дама преклонных лет. Во-вторых, ваша драгоценная Любовь Филипповна — фискалка, неотесанная деревенская плебейка, ни черта не смыслит в предметах старины и антиквариата!

— Опять трагикомедия? — заметнее возбудился директор. — Вам не надоело? Вы, естественно, можете снять верхнюю одежду и сесть, в моем кабинете это не возбраняется, но, по-моему, свои роли вы привыкли разыгрывать стоя.

«Совсем охамел, тощий мерзавец, я ему устрою трагикомедию и правила общежития», — внутренне вскипела Берта, садясь на краешек дерматинового стула, стоящего у двери. Она пристроила на коленях куртку и старалась держать спину и спокойствие. Давалось это с трудом. Возникшая пауза навела на мысль, что она переборщила с «неотесанной деревенской плебейкой», и тогда Берта негромко спросила:

— Борис Ермолаевич, почему вы реагируете на жалобы одной стороны, но пренебрегаете интересами другой? Потому что я не опускаюсь до подмётных писем? Вы полагаете, я не знаю, что Любовь Филипповна регулярно строчит на меня доносы? Знаю. Прекрасно знаю. И замечу, имею вполне конкретный повод для встречных

пасквилей. Однако ей не уподобляюсь, продолжаю терпеть ее ежедневные утренние и вечерние песнопения.

— Минуточку! — оборвал ее директор. — Пение — эфемерная вещь. Любовь Филипповна спела и всё. Она не ущемляет ничего пространства, не нарушает ничьих пределов. Ваши же заботы требуют всё большей территории.

— Насчет пения вы заблуждаетесь, уверяю вас, — вместе со стулом развернулась к нему Берта, — голоса некоторых особ могут вызвать нервный припадок, а то и приступ ярости в ком угодно! Потом, вы забыли о «ЗОЖах»!

У директора задергалась левая скула, он затушил недокуренную сигарету, не отрывая взгляда от пепельницы, подытожил металлическим голосом:

— Вы свободны. Не испытывайте моего терпения. Сто первого китайского предупреждения не будет, я не китаец. Прошу сегодня же собрать свои бесчисленные бирюльки и отнести туда, откуда принесли. Не вынуждайте меня прибегать к крайним мерам.

Берта встала со стула, решительно набросила на плечи куртку, но, взявшись за дверную ручку, заметила предательское дрожание руки. В коридоре она левой ладонью отшлепала правую изменщицу. «Контролируй себя, усмири поганые нервы», — шепотом приказала она телу, развернулась и отправилась в столовую.

Шел десятый час, народец в столовой почти рассосался — за столиками в разных углах

рассредоточились человек пять, любящих поспать подольше. Любви Филипповны среди них не наблюдалось. «Ка-ак же, ворвалась в первых рядах страждущих, наскоро заглотила содержимое тарелки и отправилась на коронный моцион, блюстительница режима хренова», — с отвращением подумала Берта, пробуя на вкус грязно-желтую пшеничную кашу. Каша, как всегда, горчила. Для смягчения горечи ее можно было залить стаканом молока, положенного на завтрак. Но Берта не стала этого делать. «Ты лучше голодай, чем что попало есть...» — в который раз прибегла она к философии сына Древнего Востока, мелкими глотками допивая молоко. После чего двинулась к стойке с использованной посудой, поставила туда пустой стакан и тарелку с чуть тронутой кашей.

В окошке раздачи мелькали крупногабаритные спина и зад судомойки Раисы Степановны. «Опять тебе горчит, Генриховна!» — весело выкрикнула та, не отступая от привычного дела. (С тарелками и столовыми приборами Раиса Степановна не церемонилась.) Ее голос и схожие с репетицией пьяненького поселкового оркестра посудные звуки действовали ободряюще.

Два с половиной года назад эта грубоватая, но щедрая женщина презентовала Берте, по ее просьбе, истертый на животе, однако годный к применению прорезиненный фартук. «Не спрашиваю, Генриховна, зачем, хотя догадываюсь, — подытожила тогда Раиса Степановна. — Ох, артистка ж ты. Гляди, чтоб никто из местных

на тебе его не увидел. Церберу донесут, казенное имущество разбазариваю; у него, сама знаешь, каждая склянка и спичка на счету». С тех пор Берта питала к Раисе Степановне стойкое чувство доверия.

«Если потороплюсь, успею побыть наедине со своими любимцами», — про себя заключила она на выходе из столовой. Миновав вестибюль, пестрящий бюллетенями о здоровом образе жизни, она с легкостью поднялась по лестнице на второй этаж, проследовала в конец коридора, толкнула дверь с табличкой «18» и вошла в двухместную, вытянутую кишкой обитель, четвертый год служившую ей единственным приютом.

Социальный стандарт и банальность царствовали здесь во всем. Справа по курсу, в обрамлении выгоревших, раздвинутых твердой рукой Любви Филипповны штор, зиял ноябрьский пейзаж. Вдоль неопределенного цвета стен стояли близнецы-кровати с низкорослыми тумбочками в изголовьях. Стену напротив окна занимал трехстворчатый шкаф «под орех», той же, что кровати и тумбочки, второсортной подмосковной фабрики.

Каждый из предметов мебелировки был переименован Бертой на свой лад. Шкаф переплавился в «шифоньер» с ёрническим интонационным перескоком, как на нижнюю ступеньку, на мягком знаке. Тумбочки были окрещены «кнехтами», что являлось термином не только судовой оснастки, а по-немецки обозначало еще «крепостных», «батраков». Кровати, в зависимости

от Бертинового настроения, носили два названия. В приемлемые для нее дни они оставались «койко-местами», в дни совсем для нее отвратные становились «нарами». Она умела подчеркнуть разницу в выражениях: «прилечь на койко-место» или «опуститься на нары».

И всё же светилось в этом казенном унынии заметное с порога яркое пятно — ровно полподоконника, — словно забредший сюда по ошибке художник, ужаснувшись увиденному, выдавил на свободную поверхность, как на палитру, краски для будущей непременно веселой картины.

Первым делом Берта шагнула к раковине в углу за дверью, неспешно подмигнула своему отражению в настенном зеркальце и извлекла из кармана куртки ту вещицу, что так тщательно оберегала от глаз Цербера. Это был фарфоровый двенадцатисантиметровый клоун, облаченный в желтую концертную блузу, заправленную в синие, не по размеру, штаны с одной косой бретелькой. Ворот блузы венчал оранжевый бант, из-под черного цилиндрика смеялись лукавые в морщинках глаза, нижнюю часть лица занимали малиновый нос-бульба и аналогичного цвета рот в улыбке от уха до уха. У клоуна имелся дефект: был отбит круглый набалдашник правого ботинка. Однако еще на улице Берта опробовала его на устойчивость, — на ногах он держался — значит, годился в ее коллекцию. «Так-то, брат, — констатировала она, подставляя намыленного клоуна под струю воды, — лопни, но держи фасон!» Промокнув клоуна ручным полотенцем,

она подошла к подоконнику, черным маркером разделенному Любовью Филипповной пополам, и, прежде чем внедрить того в фарфорово-глиняный коллектив, вновь обратилась к нему: «Так-то лучше, в этом строю ты оценишь главное жизненное преимущество, поймешь, что не одинок». Она застыла над разномастной компанией, покачивая головой, словно ожидала услышать аплодисменты в сторону новичка. Затем объявила: «Боюсь, всем вам на днях придется перебраться в темницу. Цербер не на шутку разъярился. Ну-у, не печальтесь, недра „кнехтов“ всё лучше мусорных контейнеров».

В плотном, но не преступающем разделительной полосы строю находились персонажи разной степени ущербности. Целилась стрелами на север и на юг парочка безносых амуров с отколотыми кудрями. В маске со стертыми красками замер в танцевальном па персонаж из веселого венецианского карнавала. Разыгрывалась сценка из старинной жизни, где кавалер во фраке с расходящимися фалдами преклонил колено перед однорукой дамой в небесно-голубом пышном платье. Застыл в полупоклоне тонконогий элегантный скрипач со смычком и грифом от отсутствующей скрипки в опущенных руках. Присел на пенек, наигрывая неведомую мелодию на остатке отбитой дудочки, юный пастушок. Не было здесь только зверья. К фигуркам животных Берта питала равнодушие. Ее привлекали исключительно и только люди, преимущественно творческих призваний.

Страсть Берты к фигуркам из фарфора имела фамильные корни. В ней был повинен ее отец — обрусевший поволжский немец с запутанной трагической судьбой. Небольшая восхитительная коллекция статуэток Мейсенской фарфоровой мануфактуры, сколько помнила себя Берта, пестрела на полке серванта их с теткой квартиры. Непревзойденным украшением, венцом коллекции были «Танцор» и «Паяц» мастера Кендлера. «Танцор» был красочнее, эффектнее одетого в скромный белый костюм «Паяца». Но маленькая Берта, тайно от тетки, брала с собой на ночь в кровать именно «Паяца» и там, теребя покрытые позолотой пуговицы его курточки, крупные капли-серьги, прежде чем уснуть, заговорщически с ним шепталась. А ранним утром, бесшумно пробегая на цыпочках сквозь гостиную, аккуратно водружала его на место.

И теперь, в иных жизненных декорациях, ее коллекция на подоконнике была чуть ли не единственным островком, напоминавшим о безвозвратно затонувшем прошлом.

Соседку по комнате, заядлую кляузницу Любовь Филипповну, Берта про себя именовала «Любка — плесневая юбка». По ощущениям Берты, от той исходил неистребимый запах старого затхлого сундука. При поступлении в интернат-богадельню заслуженных работников культуры, вслед за положенной профилактической беседой с руководством, Берту поместили на койку накануне «отошедшей» режиссерши одного

подмосковного театра. Через неделю жизни рядом с Любовью Филипповной Берта уверовала: ее новоявленная соседка внесла немалую лепту в безвременную (спорить нечего) кончину режиссерши.

Ширококостная, полногрудая 78-летняя Любовь Филипповна принадлежала на первый взгляд к разряду «правильных», а по Бертиному заключению, подгнивших смолоду, если не с рождения. Свое пожизненное разложение она вуалировала отработанными за долгую певческую карьеру манерами. Но в истинности или фальшивости человеческих манер провести Берту было почти невозможно — она (после парочки роковых случаев, о которых позже) мгновенно распознавала цену любым из них. Как выяснилось в день Бертиногo заселения, Любовь Филипповна многие годы состояла солисткой ансамбля русской народной песни и пляски. Берта, с детства воспитанная в лучших традициях драматического, оперного и балетного искусства, откровенно презирала народную манеру исполнения. («Этих рьяных плясунов в шароварах и вышитых рубахах навывпуск, этих румяных горлопанок в пыльных сарафанах и усеянных бисером кокошниках!») У нее имелось убеждение: «В такого рода „артисты“ могут податься лишь люди, забракованные на иных творческих фронтах. Ибо подлинное искусство призвано вырывать из сермяжной простоты, а не окутать в нее снова и снова». Исключение для Берты составляли три профессиональных хранителя и носителя русских народных традиций: хореографический ансамбль

«Березка», хор Пятницкого и Северный русский народный хор, — этого было достаточно.

До попадания в здешние стены она помыслить не могла, что ей придется (не насмешка ли судьбы?) делить кров с второсортной представительницей певческих «народников». Именно в момент знакомства и признания «народницы» в преданности избранному делу Берта, как ни старалась, не сдержала эмоций. «Какой ужас!» — полупшепотом произнесла она и, приложив узкую ладонь к щеке, медленно опустилась на койку. А спустя несколько секунд, отчасти предвкушая, что ее ждет, выдохнула: «За что?» Любовь Филипповна, оставаясь стоять по центру комнаты, замерла на полуслове. В образовавшейся тишине между пожилыми женщинами сверкнул яркий разряд молнии; с этого вечера нелюбовь Берты к жанру народной песни, помимо распеваний, регулярно подкреплялась вредоносными выпадами затаившей крепкую обиду соседки.

Необыкновенно бойкая для своих лет и габаритов Любовь Филипповна распевалась строго по графику: с 10:30 до 11:15 — после утренней прогулки и с 17:00 до 17:45 — перед ужином. По ее выражению, она «не намеревалась терять высшую квалификацию и при самых скверных соседствах». В нередкой произносимой в лицо Берте фразе, сопровождаемой тяжелым пристальным взглядом, упор делался на словах «высшую» и «скверных». Начинала солистка с разнорегистровых «о-о-о-о-о», «а-а-а-а-а», «у-у-у-у-у», потом комбинировала гласные, затем приступала

к основному действию. Пела она исключительно «форте», приняв в середине комнаты стойку с распростертыми в стороны и к потолку руками. Связки ее дрожали и вибрировали во всех регистрах подобно эвенкийскому варгану. Репертуар варьировался от «Поживем, моя милая, в любви хорошенько» до «Твою мрачную могилу всю слезами обольем». Окружение безмолвствовало, потому как над комнатой находилась нежилая часть здания, внизу располагалась столовая, одной капитальной стеной комната граничила с улицей, через другую стену жили туговатые на уши двойняшки Кацнельсон, филармонические флейтистка и арфистка в прошлом. Таким образом, Берта оставалась единственным прямым слушателем и свидетелем распеваний. Певческих сбоев на ее памяти случилось всего два. Когда прошлогодней зимой соседку сразило ОРЗ и с высокой температурой она слегла на несколько дней, в отсутствие сил и голоса, и в легендарный приезд по весне ее троюродной сестры из Вышнего Волочка, с которой день напролет воскрешались воспоминания юности.

Брюк «народница» не носила ни по какому случаю, зато домашних и прогулочных юбок у нее имелось великое множество, и любая из них излучала стойкий запах плесени, крепко въевшийся во внутренности общего на двоих «шифоньера».

Глава вторая

ЗАНАВЕС

Театральная карьера Берты Генриховны Ульрих закончилась одиннадцать лет назад. Ради служения неувыдающим Мельпомене и Талии Берта не раз ставила на карту собственную судьбу. И теперь почти ни о чём не жалела. Почти...

Она могла бы прослужить на театре куда дольше, если бы не тот внезапно настигший ее эпизод с нежелательной ролью.

В начале сезона девяносто девятого года театр отпраздновал пятидесятидевятелетие своей ведущей примы — ею была именно Берта, — а в середине января двухтысячного к ним прибыл молодой, прогрессивный, по слухам, режиссер Лев Геннадиевич Васильчиков, приглашенный из Красноярска поработать по контракту. Коллектив пребывал в творческом застое, и накануне приезда красноярского дарования театральные закоулки звенели, гудели в предвкушении: «Наконец-то... ветер перемен... молодая кровь... незамутненный взгляд... сибирский гений...»

Высокий, худой и гривастый, он обвел со сцены синеоким прищуром не отошедшую от встречи Нового года, растекшуюся по партеру труппу, и с места в карьер начал, что ему «претит импотенция современных драматургов», что давно примерялся к классике и уже «взялся за нее в новом, нестандартном формате».

— Это будет на редкость динамичная пьеса, — мерил Лев Геннадиевич подмостки размашистым шагом, — абсолютно свежее прочтение горьковской «Старухи Изергиль». Вас удивляет, почему этот рассказ? Проиллюстрирую преимущества. Вы отметили, с каким фанатизмом режиссеры новой волны ринулись штурмовать Островского? «Бешеные деньги», «Доходное место», «Волки и овцы» и прочее? Нахлынула поголовная «островщина»! Этой купеческой трухой они думают разоблачить сегодняшний день?! Ха! Пусть попыхтят, не возражаю. А вот «Старуху Изергиль» не ставил пока никто. Я, по крайней мере, таких не знаю. Им кажется, — Васильчиков косо ухмыльнулся, на ходу кивнув в направлении левой кулисы, — что это не постановочное произведение. С ваших подмостков заявляю пигмеям от искусства: смотря в чьих руках! Итак, — страстно потер он руки, — на сцене у меня столкнутся Ларра и Данко, живущие среди нас. Ларра — 43-летний олигарх-нувориш, собирающийся отчалить в Лондон. Данко — студент технического вуза, выходец из наполовину интеллигентной семьи. — У правой кулисы Лев Геннадиевич притормозил. — Что? Кто-то

что-то спросил? Уточнил? Мне показалось? — Труппа упорно молчала. Расслабив мышцы, он возобновил ходьбу. — Спектакль будет кипеть реалиями сегодняшнего дня, мощнейшим противоборством двух антагонистичных начал! Вот актуальнейший конфликт! — Выхватив из-за левой кулисы стул, он сел в ореоле пыли вполоборота к залу, вытянул вперед спринтерские ноги, скрестил на груди руки, обратил лицо к потолочным конструкциям. — Детали конфликта я обрисую позже, его квинтэссенция разыграется во втором акте. Там герои подерутся: крепко, нещадно. Их драка ознаменует не только смену веков, режимов, но и... ладно, это потом... — Он прикрыл веки, стараясь снизить градус. — Ядром первого акта у меня станет женщина-мать. Она явится контрапунктом всей истории. Никаких степей, таборов, разглагольствований у костра, как вы понимаете, не последует. Из предметов на сцене будет только скамейка — символ городского бульвара, где пожилая, сильно пьющая героиня начнет бессвязно, потом лаконичнее излагать свою биографию. А попутно — здесь внимание! Кульминация мизансцены, — взывать к виртуальным прохожим, точнее, к публике, в поисках нового Данко. Минимализмом антуража я хочу обострить, усилить нервный импульс ее страданий.

— Изумительно смело! — не выдержал с первого ряда вечно любящий выпятиться Спиридонов. — Архинатуралистично!

Васильчиков не оценил комплимента и, судя по всему, разозлился.

Литературно-художественное издание
Эдеби-көркем басылым

Оксана Даровская

НЕОКОНЧЕННЫЙ ТАНЕЦ

Ответственный редактор *Д. Захарченко*

Литературный редактор *Г. Безотосная*

Технический редактор *Л. Синицына*

Корректоры *А. Брусник, О. Левина*

Компьютерная верстка *Л. Харченко*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.11.2024

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 4000 экз. Т-РР1-35905-01-Р. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:
«Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» ЖШҚ –
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский
муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-
Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

